

НЕМАНА

МИНСК

3

'86

ISSN 0130—7517

В НОМЕРЕ

Владимир Глушаков
ЦВЕТЕНИЕ КАЛИНЫ
Семейная хроника

Николай Сердюков
Наум Гублер
Рассказы

В ГОСТЯХ У «НЕМАНА»
БОЛГАРСКИЙ ЖУРНАЛ
«ТРАКИЯ»

Эдуард Касперович
...А ИСТИНА — ДОРОЖЕ
Очерк

Галина Адамович
МАДОННЫ
Опыт литературно-
психологического
исследования

МАДОННЫ

Опыт литературно-психологического исследования

Величайшее открытие Максима Богдановича — его мадонны. Открытие, едва ли не оставшееся загадкой для поэта, как остается в некотором смысле загадкой и для нас.

Одного желает поэт — чтобы в подписи под его стихами читались два имени — Его и Ее: «гэта зоркі-двайняткі свяцілі адной зарой». И об одном жалеет — что «ніколі з душою Вашай так не саліецца мая душа».

Мадонна Максима Богдановича — «звезда-двойняшка»: «...ежели вы преклоняетесь перед женщиной, то, стало быть, или девственности ее, или материнству челом бьете. Да оно и понятно, — ведь лишь в этих двух видах женщина выступает, третьего же, очевидно, и быть не может» (рассказ «Мадонна»).

Чистота девственности — образ возлюбленной.

Величие материнства — образ женщины-матери.

Трогателен у Максима Богдановича и образ девочки-няньки, совсем еще ребенка — предвосхищения будущей матери («Вероника»).

У мадонн Максима Богдановича несколько имен, как и несколько судеб, определивших их жизнь.

В то время, когда родился Максим Богданович, в 9 часов вечера 9 декабря 1891 года по новому стилю, над его землей — Белоруссией — уже взошла Венера. Роды были недолгими, ребенок словно торопился родиться, словно уже видел свою звезду и спешил к ней, спешил увидеть ее уже в эту ночь. Но звезда на небе оказалась несчастливой для поэта, и настоящей звезде Максима суждено было воссиять на земле. С тех пор две звезды освещали путь Максима — бледная, зату-

хающая — на небесном склоне, и живая, разгорающаяся все сильнее и сильнее — на земле, среди людей, в его народе.

Мать Максима Богдановича — Мария Афанасьевна Богданович — в своей материнской доле успела увидеть высший долг, в детях — продолжение своей жизни, в их судьбе — осуществление своих надежд. Незаурядные способности, природное обаяние помогли Марии Мякоше — дочери мелкого чиновника, а после смерти родителей девочке из детского приюта — получить хорошее образование, окончить женскую учительскую школу в Петербурге. В воспитании детей — Вадима, Максима, Льва и Нины — раскрылся воистину богатый талант Марии Афанасьевны. В 1893 году, когда Максим начал произносить свои первые слова, в гродненской газете был опубликован рассказ его матери — «Накануне рождества». Это было проникновенное слово о бедной больной женщине и ее маленьких детях.

Мария Афанасьевна умерла в 27 лет от чахотки. Смерть унесла с собой ее молодую жизнь, ее поэтический дар, но не смогла уничтожить образ Матери — прекрасный пример благородного ума и возвышенного сердца. Весь свой ум, талантливую душу и удивительную женственность Мария Афанасьевна отдала воспитанию детей. Максим, писал Адам Егорович, — «по складу своего характера, мягкого и женственного, по веселости своего нрава, живости, отзывчивости и впечатлительности, по полноте и мягкости наблюдений, по силе воображения, пластичности и вместе живописности продуктов его творчества всего более напоминал свою мать, особенно в детстве».

Со словом «мама» в сердце Максима вошло слово «родина». В 1896 году, после смерти Марии Афанасьевны, Адам Егорович вместе с детьми переехал в Нижний Новгород, с 1908 года они стали жить в Ярославле. Как маму зовет ребенок, так и Максим, повзрослев, стал звать Белоруссию «маці-краінай», вкладывая в это

Галина Евгеньевна Адамович родилась в Осиповичском районе. Окончила филологический факультет БГУ им. В. И. Ленина. Работает старшим преподавателем в пединституте им. А. М. Горького.

слово весь неистрачен

По мнению есть дар его ший в нера быть, оскоро прабабушки моих записк обязан проба отца, по-ви не только чеческого таланни целеуности, труда

И все же детельства. Богданович Несомненно его.

Зато как поэта!..

Максим 25 мая 1911 ческая и те ставила пер множество гадок — его

По свиде сильное и с испытывал мился во в Крым в 19 шается к н

З Н К Л

Киццын роений (с н первой поез обязаны та бальны, бя можно, «У» «Мы говор и некоторы

Но больц данович Ан

Она — се дановича п лая Какуе ранние яз окончла с золотой мей. Д. Де новича по ее симпати ким лицом она, видно, сим и брат знаем про «Но эта д мало знаем честве М тонкий зна Знакомс отнес к 191

слово весь трепет юной души, всю свою нерастрченную любовь к матери.

По мнению отца, «его поэтический дар есть дар его матери, в ней самой дремавший в неразвитом состоянии, или, может быть, осколок поэтического дарования его прабабушки Рузали, сказкам которой в моих записках и песням своей родины он обязан пробуждением своего таланта». От отца, по-видимому, Максим унаследовал не только что-то из своего богатого поэтического таланта, но и в значительной степени целеустремленность, жажду деятельности, трудолюбие.

И все же, несмотря на отдельные свидетельства, об истоках таланта Максима Богдановича можно только догадываться. Несомненно, что природа щедро наградила его.

Зато как грубо вмешалась судьба в жизнь поэта!..

Максим Богданович умер в 25 лет — 25 мая 1917 года. Но короткая человеческая и творческая судьба Максима поставила перед читателем, перед литературой множество загадок. И одна из таких загадок — его мадонны.

По свидетельствам современников, очень сильно и серьезное чувство М. Богданович испытывал к женщине, с которой познакомился во вторую свою поездку в Старый Крым в 1915 году. В стихах поэт обращается к ней с тоскою и печалью:

Забудется многое, Клавя,
Но буду я помнить всегда,
Как в сердце шипела отравы
Любви, и тоски, и стыда.

Кицыциной, девушке мистических настрояний (с ней поэт познакомился во время первой поездки в Крым в 1909 году), мы обязаны такими стихотворениями, как «Я, бальны, бяскрыдлы паэт», «Цмень — возможно, «Ужо пара мне далому абірацца», «Мы гаворым удвух пры аглі ў цішыне», и некоторыми другими.

Но больше всего стихов посвятил М. Богданович Ане. Ане Рафаиловне Какуевой.

Она — сестра товарища Максима Богдановича по гимназии — Рафаила и Николая Какуевых. Она хорошо знала иностранные языки, играла на рояле (позже окончила Петербургскую консерваторию с золотой медалью), была хорошей наездницей. Д. Дебольский (также друг М. Богдановича по гимназии — Г. А.) вспоминает ее симпатичной, стройной девушкой с тонким лицом и темными глазами. Возрастом она, видно, была немного старше, чем Максим и братья Какуевы. Вот и все, что мы знаем про ее молодые годы.

«Но эта девушка, про которую мы так мало знаем, оставила глубокий след в творчестве Максима Богдановича», — пишет тонкий знаток его поэзии Н. Ватацы.

Знакомство с А. Какуевой Адам Егорович отнес к 1912—1913 годам, но, как отмечает

Н. Ватацы, оно могло произойти значительно раньше. Свои стихи, связанные с ее именем, Максим Богданович намеревался собрать в отдельный цикл и назвать его «Полынь-трава». Ане Какуевой он посвятил свой цикл «Мадонны». (Работники газеты «Наша ніва», готовившие к изданию первый и единственный сборник поэта «Вянок», не выполнили его просьбы, хотя Богданович в своем письме и просил их поставить посвящение — А. Р. К.)

Нюте Гапанович, двоюродной сестре по матери, поэт подарил «Вянок», а для того чтобы ей легче было оценить написанное братом, перевел избранные стихи на русский язык. Так получился рукописный сборник «Зеленя».

В этом сборнике нет образа мадонны — есть ее предчувствие, есть предощущение подлинной красоты, любования и преклонения перед нею, чувство, создающее по своему оригинальные и такие дорогие поэту образы.

И еще один адресат был у Богдановича — он переписывался с девушкой, которая жила в Минске. Переписка прервалась, когда поэт в 1916 году приехал в родной город и встретился с ней.

Вот они, женщины, прошедшие через жизнь поэта и заставившие звучать его лиру то задумчиво-печально, то восторженно-оптимистически. Мать. Кицыцина. Анна Рафаиловна Какуева. Нюта Гапанович. Клавя. Минская адресатка.

Была еще Вероника, маленькая племянница Д. Дебольского, которая, по словам друга поэта, стала Богдановичу не менее близкой, чем своим родным: «Имя Вероника Максиму очень нравилось. От этой девочки и название его поэмы «Вероника». Уже тогда он начал искать и отмечать в чертах и жестах девочки женское и материнское».

Летом 1911 года Максим едет на родину, в Белоруссию. Он едет в деревню Ракутевщина недалеко от Молодечно. Ракутевщина была чудеснейшим уголком земли, где текла на лугу криничка и вплотную к хатам подступали леса. «Тут и встретил поэт летней порой, когда все было в поле, свою мадонну — лет восьми девочку, — которая, вытирая мальчику слезы, «штось пачала казаць, каб заспакоіць плач...», — считал возможной подобную ситуацию А. Бачила. И была, наверняка была еще девушка, повстречавшаяся ему случайно на узких улочках Нижнего или в Ярославле. Или на какой-то из волжских пристаней (рассказ «Мадонна»). А может, было далекое воспоминание детства, когда его, четырехлетнего, мать брала с собою в поездку в Вязь, что недалеко от Осиповичей, и он был тем самым маленьким мальчиком, о котором заботились хозяйские или соседские дочки. А может, всплыл в памяти образ Аленушки из сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» (рассказ

«Мадонна»), тоже не раз читавшейся в детстве.

Был ли прототип или его не было — это уже не так важно. Конечно, хорошо бы было знать наверняка. Если бы поэт оставил свое свидетельство. Но его — нет. Зато есть его поэтические мадонны.

Образ мадонны — это образ единственной возлюбленной поэта: «госпожи» (у римских поэтов Катулла, Проперция, Тибулла), «дамы» (в куртуазной поэзии, в лирике «нового сладостного стиля», у Кавальканти, Гвиницелли...), Прекрасной Дамы, или Незнакомки (у Блока).

Любовь гласит: «Дочь праха не бывает
Так разом и прекрасна и чиста...»
Но глянула — и уж твердят уста,
Что в ней господь нездешний мир являет.
(Данте. «Новая жизнь», перевод А. Эфроса.)

Физическая и духовная красота Беатриче, воссозданная Данте, словно спорят между собой — что более совершенно? Этот своеобразный спор как бы продолжил итальянский живописец раннего Возрождения Сандро Боттичелли. Его Венера, плывущая на раковине к берегу моря, белоснежна и девственно чиста (картина «Рождение Венеры») и прекрасна своей молодостью (этот образ продолжен в картине «Весна»).

Но красота у Данте, как и у Боттичелли, скорее божественного происхождения, хотя Беатриче в своей земной жизни, о которой Данте повествует в своей «Новой жизни», является воплощением человеческой любви. Беатриче небесная, какой она предстает в «Божественной комедии», — воплощение божества, символ вечной любви. Она — откровение, как откровение — и сама любовь. Беатриче Боттичелли в его иллюстрациях «Рая» явно не красавица, но здесь побеждает иная, озаренная любовью духовная красота — «света вечного краса живая», как назвал ее Данте («Чистилище», XXXI).

Лаура — женщина, которой Петрарка посвятил свои «Канцоньеры», — встретила его в церкви, в 1327 году. Во второй части книги сонетов «На смерть мадонны Лауры» она становится его проводницей в небесные сферы, направляющей помыслы к высшим добродетелям.

В традициях белорусской литературы — создание демократического божества (правда, как таковой образ мадонны здесь отсутствует). В комическом, сниженном стиле изображается богиня Венера:

Чырвона, тоўста, круглаліца
І вочы як на калясе,
Як жар, гарыць яе спадніца,
Істужкі ўплечены ў касе.

(Анонимная поэма «Тарас на Парнасе».)

Самыми высокими эпитетами величает простую белорусскую крестьянку Тётка. У нее в одном ряду стоят «небесные» и «земные» определения:

Ну і Кася, ну дзяўчынка!
Як царэўна, як багіня!
Як нарцыса, як вяргіня!
Як лілея на Дунаю,
Як пралеска сярод ваю,
Цвіце Кася на ўсю вёску
Зоркай яснай...

М. Богданович, восприняв классическое преклонение перед женщиной как божеством, находит божественные черты в земной женщине, — точнее, таковыми они становятся в восприятии смертного человека. Образ влюбленной белорусской крестьянки, создаваемый поэтом, всеми своими корнями уходит в народную жизнь, в народный быт.

Песню о любви поет сам поэт — от имени белорусской крестьянки, которая вышивает своему любимому рубаху и вплетает в косу ленту синюю — «як у мілага паяс» («Бяседавая», «Сярод вуліцы ў нас карагод», набросок «Істужку сіною ўплятаю...»).

Поэт не знает счастливой песни про эту любовь, потому что не знает ее и белорусская деревня: «Пра няшчаснае каханне нехта запявае»... Да, то, что увидел и услышал Богданович за свою кратковременную поездку в Белоруссию, то, что помнюсь с детства, было тоскливым и безрадостным. Но взятое из жизни, оно по-настоящему было переосмыслено в стихах «Не блішчыць у час змяркання...», «З песняў беларускага мужыка», «Народ, Беларусь і Народ!»

А пока — «сума мне, а ў сэрцы смутак ціха запявае». И эту же в песне поэта жалобный мотив любви и смерти: «Максім і Магдалена», «У місцечку Церасцечку не званы гудзень», «Мушка-зелянушка і камарык — насамі тварык», «Дзве смерці». Безусловно, что прежде всего и чаще всего образ мадонны — это образ Матери.

Символом безграничной материнской любви является рафаэлевская Сикстинская мадонна — мать человека и мать человеческая. Репродукция картины Рафаэля «Сикстинская мадонна», подаренная Максимом Горьким, висела в кабинете А. Е. Богдановича в Ярославле. И естественно, что этот образ, вписавшийся в семейную обстановку, живо присутствовал и в сердце Максима, органически вошел и в его творчество.

Картина «Сикстинская мадонна» написана на религиозный сюжет. Богоматерь, зная предназначенную своему сыну судьбу, все же идет к людям. Жив в веках вечный образ матери, приносящей своего ребенка в жертву во имя счастья людского.

«Ее прекрасное лицо дышит скорбью, но в нем нет и тени отчаяния. Гибель сына она воспринимает как осуществление предначертанной судьбой. И горе ее столь безмерно и велико, что оно перерастает из личного горя в горе всего человечества» — так писал В. Лазарев о скульптуре «Пьета» (оплакивание Христа Марией) Микеланджело.

Воплощением высшей скорби, скорби, ка-

кую только может тери, является в Савицкого. Она полна предчувствия, остается за пределами. Оно — внутри. Это и ми, а сердце. И заключается именно в одухотворенности. Петное бие сердце чувствовал в ней и «На лице ее ничто на нем нет выражения, определенное имя, в каком-то таинственном спокойствии, чистоту, уже перешедши, следовательно, мирнее уже возмущает. В глазах ее нет взор человека есть новенного, случайного случая — все свершилось, какая-то глубокая, есть какой-то взор, устремленный, но необъятное».

Такой красотой — ной — особенно дорнович.

В 1967 году была «мадонна» Михаила, о ней писал сам художник. А она — на задание. А она — Она должна быть — ничего нет. И жизнь — мощная, уверенная, всех будущих детей. Для мира, для счастья, то кто же мадонна, уверенная, устойчивая. М. Савицкого, мадонна.

Между мадоннами Савицкого — мадонна.

Прекрасные лица — внешняя красота, но глаз, но жизнь в руках. Кажется, нигде ни озорнее, чем добротой. Озарение — материнством. Сказывать бесконечно необходимо. Сказка матерей. Тех, народ, за свою родню, «ходатаев», «бенно угнетенный, бенно принижены, песняров Я. Купальдановича.

Максим Богданович всех ее проявлениях гимн любви вечной, сильной и беспощадной и злосчастной, так саму любовь, привнося тоску о ней в один

кую только может испытывать сердце матери, является и Сикстинская мадонна. Вся она полна предчувствием будущего, но это остается за пределами ее внешнего облика. Оно — внутри. Это можно видеть не глазами, а сердцем. И подлинная ее красота заключается именно во внутренней жизни, в одухотворенности и осмысленности. Трепетное биение сердца, свет души человека чувствовал в ней и Василий Жуковский: «На лице ее ничто не выражено, то есть на нем нет выражения понятного, имеющего определенное имя; но в нем находишь, в каком-то таинственном соединении, все: спокойствие, чистоту, величие и даже чувство, уже перешедшее за границу земного; следовательно, мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. В глазах ее нет блистания (блестящий взор человека есть признак чего-то необыкновенного, случайного, а для нее уже нет случая — все свершилось); но в них есть какая-то глубокая, чудесная темнота; в них есть какой-то взор, никуда особенно не устремленный, но как будто видящий необычайное».

Такой красотой — внутренней, озаренной — особенно дорожил Максим Богданович.

В 1967 году была создана «Партизанская мадонна» Михаила Савицкого. И вот как о ней писал сам художник: «Отряд уходит на задание. А ОНА кормит маленького. Она должна быть — Мать. Если ее нет — ничего нет. И жизни нет. Она такая — мощная, уверенная, устойчивая, ясная. Она всех будущих детей вскормит и сбережет. Для мира, для счастья. Если это не мадонна, то кто же мадонна?» Такая — сильная, уверенная, устойчивая, ясная — мадонна М. Савицкого, мадонна военных лет.

Между мадоннами прошлого и мадонной Савицкого — мадонны Богдановича.

Прекрасные лица матерей. Поражает не внешняя красота, но свет, струящийся из их глаз, но жизнь в каждой черточке лица, рук. Кажется, нигде мы не видели ни добрее, ни озареннее, чем у них, лиц. Озарение добротой. Озарение человечностью. Озарение материнством. «С матерях можно рассказывать бесконечно». И нужно. И жизненно необходимо. Сердца мадонн — сердца матерей. Тех, кто страдает за свой народ, за свою родину. И сердца «заступников», «мудатаев» за свой народ — особенно угнетенный, за свою родину — особенно приниженную — сердца народных песняров Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича.

Максим Богданович — певец любви во всех ее проявлениях. Как Петрарка создал гимн любви вечной и мимолетной, все-сильной и беспощадной, благословенной и злосчастной, так и Богданович воспел саму любовь, приветствуя ее приход и тоскуя о ней в одиночестве.

Промозглый мрак весенней ночи
На узких улицах лежит.
А мне и темень тешит очи,
И кровь от счастья аж кипит.

Иду я радостный, хороший,
Все светится, поет во мне...
А слякоть сочно под каалошей
Похлупывает в тишине.

Вот как поэт может воспеть свою любовь — поздний час, в темноту погружены улицы, а ему весело, радостно, он влюблен. Здесь умение чувствовать, невзирая на неуют и прозу жизни, здесь бодрость и душевное здоровье. Стихотворение написано в 1911 году.

Пожалуй, необходимо такое вот сопоставление. Больной, обреченный человек неистово желает жить. И — любить. Сумеркам весёлой ночи он противопоставляет свет своего сердца. И естественна мысль о другом человеке, о своей или чужой любимой. А что же ты сделала, что делаешь ты со своей душой: «Як маркотны твае маладыя гады! Ты не знаеш сама, сколькі мела нуды!» Зачем отнимаешь у себя радость жизни? По свидетельству А. Е. Богдановича, это стихотворение «Мы гаторым удвух пры агні ў цішыне» было написано поэтом после знакомства с Кисыциной. (В «Зборы твораў» датируется 1915—1916 гг.) Это стихотворение можно рассматривать и как ответ Богдановича на бодлеровскую традицию прелестия к жизни, эстетничанья идеями смерти, болезни, как ответ на упадочническое настроение начала века, надолго поглотившие духовную культуру того времени.

Учора шчасце толькі глянула нясмела, —
І развясліся хмары змрочных дум.

Поэт приветствует любовь — трепетное, созидающее чувство.

В своей жизни Максим Богданович в полной мере изведал горечь расставанья. И все же...

«Забудется многое, Клава, но буду я помнить
всегда...»

«Но все же шлю я Вам не стон, а возглас
радостный: осанна!»

Воистину позиция умудренного стоика! Но что же помогало Богдановичу не терять самообладания, чувства собственного достоинства, а жить дальше и радоваться жизни? Подлинное чувство живой красоты, живой жизни, что отличало позицию Богдановича от соллогубовской «ностальгии по смерти» и сближало с мировосприятием И. Анненского, которого «и спичка серная... согреть могла», боль Богдановича, его непростые раздумья.

Вы, кому найти приятно
Высохший цветок поблеклый
Меж страницами старинных

¹ Здесь и далее перевод Б. Спринчана.

И давно забытых книг,—
Полистайте томик этот:
Я оставил на бумаге
Трепетные в дни цветенья
Лепестки и дум, и чувств.

Посетишь родные места — и вспомнится
о прошлом («Изноу пабачуу я сялібы»).
Посмотришь на вечернюю Венеру — и на
какой-то миг воскреснет любовь («Зорка
Венера...»). Позабудешься сном — и посетит
давнее чувство («Набягае яно...»).
Ведь даже королева мечтает о любви,
а старый король только хмурит свои посе-
девшие брови («Калі паласу агняваю...»).

Так пребудь же всегда
Полон юными днями!
Пролетайте, года,
Золотыми огнями!

такое поэтическое завещание Максима
Богдановича.

Но — к другим «ликам» мадонны.

Сотрудник ярославской газеты А. Д. Ти-
тов вспоминает слова Богдановича: «Я очень
люблю видеть беременную и всегда с глубо-
ким уважением смотрю на ту женщину,
которая готовится произвести на свет буду-
щего члена общества — человека. Воистину
она осуществляет наивысшее предназначение
женщины».

М. Богданович, навещавший семью
своего друга Д. Дебольского, встречался
там и с женой его старшего брата Марией
Ивановой. Где-то в 1916 году он писал в
открытке Дебольскому: «Ребенок у М. И.
обозначается очень заметно» (Мария Ива-
новна в то время ждала ребенка). «И вот
сама беременность, самочувствие, вызы-
ваемое ею, приметы, ощущения движений
ребенка особенно интересовали Максима.
И он расспрашивал об этом с такой заин-
тересованностью и так просто, что Маруся,
как мы ее звали, так же просто и отвечала,
словно говорила с самым близким чело-
веком», — писал Д. Дебольский.

Он словно не мог не писать об этом.
Он словно осуществлял свой долг перед
матерью, перед второй женой своего отца —
Александрой Павловной Волжиной, умер-
шей от родов и оставившей сына, сына,
который должен был расти без материн-
ской ласки.

Одно из своих стихотворений М. Богда-
нович даже подписывает женским именем —
Ек. Февралева. Сложное, но исполненное
величавого достоинства и скрытой радости
материнства стихотворение («Осенью»).

Но в этот жизнерадостный гимн мате-
ринству проникает суровая тема. Как Данте
в «Новой жизни» и «Божественной коме-
дии», как Петрарка в сонетах «На жизнь
мадонны Лауры» и «На смерть мадонны
Лауры», так и Богданович в цикле «Лю-
бовь и смерть», в иных своих стихах
сочетает два мотива — всецельной, вечной
любви — и смерти, «попранной» любовью
смерти. Но в отличие от своих великих
итальянских предшественников, которые

переносят повествование о любви в сферу
божественных образов, Богданович оста-
ется на земле, не выходя за ее пределы
в потусторонний мир и потому в такой
любви находит более осмысленно-жертвен-
ного, а значит, и более человеческого.
Здесь цена за любовь самая высокая —
любовь ценою жизни, здесь плачено за
жизнь ее же ценой.

Белый крест. Плита. Твоя могила,
Нежным цветом роза расцвела.
Новой жизни отдала ты силы,—
В муках родила и умерла.

Все прошло, мой друг,— и боль, и горе,
И печаль крутая по тебе,—
Лишь скупая надпись: «Disce mori»¹
Тут напомнит о твоей судьбе.

Горе должно забыться, боль — отойти,
но помнить о такой смерти необходимо. Пом-
нишь во имя жизни.

В черновых набросках сохранились два
отрывка — плач матери по безвременно
погибшей дочери. Богданович говорит от
имени наиболее близких и дорогих обра-
зов — то он повествует от имени влюблен-
ной девушки, то грустит вместе с покинутой,
то плачет, как мать над своим ребенком.

Из Гейне поэт перевел стихи о несчаст-
ной любви: «Дзяцюк шыра любіць дзяў-
чыну», «Калі люблю ізмучыць», «Азра».

В рассказе «Мадонна» герой так говорит
об образе мадонны: «...слияние обеих сторон
женственности в некоторый момент — это
и есть венец всяческой красоты». Конечно,
за этими словами кроется мнение самого
автора: подлинная красота человека заклю-
чается в самом смысле и необходимости
его существования, в то время как внешняя
красота часто бывает обманчива: «но вы
зачекали, господа, что входит грязь в состав
гнезда» и «што пенкна спяваюць і жабы».
Еще раз становится очевидным, как
истинно, как остро и как глубоко воспри-
нимал Максим Богданович жизнь. И хотя
прожил поэт совсем немного, он знал цену
каждого мгновенья, и хотя так мало любви
встретил на своем пути, понимал ее силу
и мудрость, и каждую частицу жизни взве-
шивал на весах своего человеческого, поэ-
тического таланта и дарил ее миру претво-
ренной — как открытие, как радость. Мате-
ринским — спасающим, оберегающим —
чувством пронизано все творчество Максима
Богдановича.

Два облика женской красоты, воплоще-
ния чистоты девственности и величия
материнства. Они сливаются воедино в об-
разе девы-матери:

Нам в девушках мила волнующая внешность,
Мы любим матерей за доброту и нежность.
В единстве двух начал — гармонии венец:
Неистовый творец брал кисть или резец,
Чтоб материнства дух, во всем его величье,
Чарующе явить в девическом обличье.
С полотен, дева-мать, глядят твои черты,

¹ Учись умирать.

Сияет свет очей
И трепет затаит
И мысленно думает
И в памяти своей
Хоть образы
Но то, чего ни
Как бы само

Летняя раба
улице ни души
«я спудзіў хло

Я мальчика в
Задвигались
Склонилась так
Он к няньке
Добрался, зари
Всем существом
И как склоняе
Склонилась так
И тут приняла
Ребенка утеша
Облиचे матери
Так явственно
Смягчало ласк
Озарена добром
Была такой род
Что, глядя на
Той девочки бо
Прекрасен облик
А чем-то вышш
Стремился пере

Знакомый
мать, склоняе
становится во
и величия, и
любви и добр
им и дышит
ним светом, о
сота оберегае
Эта мадонна
в облике дево
ся в подол е
(стихотворен
донна»).

То, что жи
человеческую
ским ворожи
любви, смеясь
на она была
ищет ответно
(«Вероника»)
ему было так
сочувственно

В ее лиц
Я мать п
Тревожн
Стоит, с
Ее краса
Предста

Даже в то
доть жестоко
высшее проя

Подлинная
боль, зажив
«Костел св
вам Адама Е
Аноте Гапан
сравнивает
только об од

о любви в сферу
Богданович оста-
я за ее пределы
потому в такой
мысленно-жертвен-
е человеческого.
самая высокая —
десь плачено за

воя могила,
расцвела.
ы силы,—
рла.

— и боль, и горе,
бе,—
ь: «Disce mori»
судьбе.

боль — отойти,
необходимо. Пом-

сохранились два
по безвременно
ович говорит от
и дорогих обра-
имени влюблен-
месте с покинутой,
своим ребенком.
стихи о несчаст-
ра любящ дзяў-
ць», «Азра».

герой так говорит
ание обеих сторон
ый момент — это
асоты», Конечно,
я мнение самого
а человека заклю-
и необходимости
ремя как внешняя
манчива: «но вы
ит грязь в состав
являюць і жабы».
очевидным, как
глубоко воспри-
ч жизнь. И хотя
ого, он знал цену
а так мало любви
понимал ее силу
тиду жизни взве-
ловеческого, поэ-
ее миру претво-
к радость. Мате-
оберегающим —
рчество Максима

расоты, воплоще-
сти и величия
ся воедино в об-

нующая внешность,
броту и нежность.
— гармонии венеч:
кисть или резец.
всем его величье,
ом обличье.
ят твои черты,

Сияет свет очей. Ты — символ красоты.
И трепет затая, я на тебя взираю
И мысленно лечу к отеческому краю.
И в памяти сквозит минувшей жизни след,—
Хоть образы темны, размыты дымкой лет,
Но то, чего ищу тревожною душою,
Как бы само собой встает передо мною.

Летняя рабочая пора. На деревенской
улице ни души. Внезапно крик ребенка —
«я спудзіў хлопчыка»:

Я мальчика вспугнул. В его глазенках — страх.
Задвигались в траве и ножки, и ручки.
Он к няньке уползал — лет девяти девочке.
Добрался, зарыдал и к ней в подол — скорей,
Всем существом прильнул к защитнице своей.
И как склоняется под ветром верх березки.
Склонилась так она над ним, стирая слезки.
И тут принялась, ни дать ни взять, как мать.
Ребенка утешать, чтоб плач его унять.
Обличье матери, ее души начало
Так явственно в чертах девчушки проступало,
Смягчало лаской их. И в этот миг она,
Озарена добром, вся до краев полна
Была такой родной, широкой красотой,
Что, глядя на нее, и я добрей душою.
Той девочки босой, замурзанной, худой,
Прекрасен облик был не внешней красотой,
А чем-то высшим, тем, что Рафаэль, быть может,
Стремился передать, рисуя мать божью.

Знакомый образ: девочка-нянька, как
мать, склоняется над ребенком, и сама
становится воплощением женской красоты
и величия, и сама словно излучает свет
любви и доброты, словно вся пронизана
им и дышит им, и озаренная ее внутрен-
ним светом, оживает душа человека. Крас-
ота оберегает, спасает, излечивает боль.
Эта мадонна Богдановича является здесь
в облике девочки-подростка с уткнувшимся
в подол ее юбки маленьким ребенком
(стихотворение «У вёсцы», рассказ «Ма-
донна»).

То, что женщина может пережить,
человеческую судьбу («Ты вечером крещен-
ским ворожила») или дать п эту счастье
любви, смеясь над отчаянием («За чем груст-
на она была») — не обмеч ли это? Поэт
ищет ответной любви, он ее не находит
(«Вероника»). Пусть, но ведь отказано
ему было так осторожно и деликатно, так
сочувственно смотреть ее глаза...

В ее лице, живом и тонком,
Я мать прозел, когда она,
Тревожной ласкою полна,
Склонившись над ребенком...
Она краса передо мной
Предстала новой стороной.

Даже в том, как сумела девушка сгла-
дить жестокость своего отказа, поэт увидел
высшее проявление ее женской сущности.

Подлинная красота способна утишать
боль, заживлять раны. Стихотворение
«Костел св(ятой) Анны в Вильне», по сло-
вам Адама Егоровича, было предназначено
Анноте Гапанович. И снова поэт словно
сравнивает две красоты, хотя говорит
только об одной: о стройности очертания

костела, о строгости его изгибов. Но также
и о той красоте, которая способна залечивать боль.

Вместе с тем противоборство живой
красоты — Ани — и отстраненной красо-
ты — костела — это еще один вариант про-
тивопоставления жаркого вдохновения и
холодного разума, антиномия, воплощен-
ная в образах Моцарта и Сальери.

Это тоже темы Богдановича. Тема побе-
ды творческого разума над чувством, реали-
зованная в его эстетике.

А внизу — у величественного костела —
грубая земля. Та земля — Гея, которая
вдохнула в грудь своего сына — Антея,
новую силу, «калі зваліў дужы Геракл у
пыл Антэя». Она же, эта земля, способна
залечить любую боль — «трэба толькі да
раны халоднай зямлі прылажыць». Под-
линная красота, таким образом, — во внут-
реннем смысле и содержании, в способно-
сти как давать, так и поддерживать, одухо-
творяя жизнь, а значит, и саму красоту.
Подлинная красота — не в небесных сфе-
рах, а в близости к земле, в чувстве кровной
связи с ней.

Не помню, как — ручку взял,
Не помню, ка — поцеловал,
Целуя осторожно пальчики,
Я, как ребенку, повторял...

Так, в образе Беатриче в «Божествен-
ной комедии» Данте провидел большую
красоту — красоту, озаренную светом мате-
ринской любви:

Она, умея вздохом сострадать,
Как мне склонила взор неизреченный,
Как на дитя в бреду — взирает мать.

(«Рай», I, перевод М. Лозинского.)

И далее:

Она, как мать, чей голос так звучит,
Что мальчик, побледневший от волнения,
Опять веселый обретает вид...

(«Рай», XXII)

Небесная, божественная Беатриче из-
лучает материнскую любовь, и эта любовь
обращена к Данте, к человеку, и это одна
из величайших находок величайшего поэта.

У И. Анненского безграничная материн-
ская любовь становится поэтическим ана-
логом его отношения к поэзии:

Но я люблю стихи — и чувства нет святей:
Так любит только мать, и лишь больных детей.

Максим Богданович в любом проявлении
любви ищет прежде всего человечности,
истинности, подлинности.

Если в стихотворении «Ты вечером кре-
щенским ворожила» поэт понимает всю
беспольность попыток одолеть судьбу,
обойти предначертанное, то вот в этом чер-
новом наброске он говорит о сознатель-
ном решении отдать свою судьбу в руки ре-
бенка, поставив превыше всего любовь к
детям.

У Ани родится ребенок,
 Похожий на маму,
 С глазами, как темные звезды:
 Похожий на маму.
 Отдам свою жизнь ему в руки,—
 Пускай тогда будет, что будет:
 Иль пусть он в ручонках
 Сломает ее, как игрушку.
 Иль пусть он в ручонках
 Согреет мне сирое сердце.

В черновых набросках поэта есть и такие строчки: «Больш за ўсё на свеце жадаю я, каб у мяне быў свой дзіцёнак»...

Деятель белорусской культуры Лявон Заяц вспоминал: «Была у поэта тайная печаль, которая прорывалась время от времени. М. Б. иногда заходил к нам. Был у (хозяина) сын лет 5—6, мальчик разумный и забавный: и вот с этим ребенком особенно любил баловаться и разговаривать вечной памяти М. Б. И часто, словно ни к кому не обращаясь, поэт с грустью тихо говорил: «Неужели я не имею права иметь такого милого сынка?! А я так люблю детей!.. Неужели я не могу подойти к понравившейся мне девушке и убедить ее, что дети — самая большая радость на свете, надежды на исполнение того, что мы сами не были в состоянии исполнить!»

И часто, очень часто возвращался песняр к грустной для него теме...

Поэт разделяет чувства своих героинь — слущих ткачих, — «не ўчуць ім дзетак галасы», потребность любви выливается у них неосознанно: «Ты тчэш, бязвольная рука, заміж персідскага ўзора, цвяток радзімы васілька» (второй вариант стиха). Любовно лепит для птенцов свое гнездо ласточка («О, как уютно, чисто, мило...»). Светлеет на душе, когда представляешь, как где-то далеко в лесу, «пэўна, ціха калыхае лесунка, спяваючы над ім, старая лесуніха» (противопоставление и развитие образа живого существа — «Селязенька-Івашчэка»). И снова богдановичское понимание красоты пробивается сквозь образную оболочку кажущейся некрасивости.

«Слушай, Рона, эту сказочку про «агу», — задушевно ведет свое повествование Богданович, умея по-детски доступно и повзрослому деликатно войти в образ, создать рисунок, близкий и понятный сердцу ребенка. Такие же любовные и бережные движения поэтического слова сохраняют черновые наброски задушевные поэтом для цикла «Женщина-Латы»: «Апусціўшы густыя расніцы», «Гэчасцем яна аж да краю», «Прычасціўшы целу мацеры», «Ласун».

«Я уже примирился со своей болезнью и с тем, что жить осталось немного, но мне очень тяжело, что я не могу иметь семьи. Я так люблю детей», — вспоминает его слова З. Верас.

Поэт очень любил детей. В голодном Минске, отказываясь от такой необходимой для него чашки чаю с сахаром, он смог собрать детям беженцев несколько кило-

граммов сахара. Тогда же он писал прошение минскому губернатору о выдаче детям беженцев зимней одежды.

Поэт проявлял к детям поистине такую же «задушевную внимательность», «готовность всегда уберечь, защитить, ответить за них на себя взять», какую он приметил в девочках-подростках, нянчивших своих младших братьев и сестричек. Об этой красоте он пишет в рассказе «Мадонна». «Сильно душа от этого похорошеет может» (все тот же мотив возвышения души при соприкосновении с прекрасным).

И вновь обращается Богданович к образу своего любимого героя — теперь им становится ребенок. «Ах, колькі ёсць красы цудоўнай поруч з намі, калі глядзеш вакол дзіцячымі вачамі!» И поэт умел видеть эту красоту. В русском переводе он заменил слово «дзіцячымі» на «влюбленными», переместив смысловый акцент с одного образа на другой, тем самым подчеркнув силу и значимость этих двух образов.

В стихотворении «Падымі ўгару сваё вока» он словно противоречит самому себе и всей своей авторской, человеческой позиции. То он хотел отдать в руки ребенка свое сердце, то:

Погляди на высокое небо,
 И отхлынут тревоги житея,
 Выси сердце омое, целебно,—
 Снова станешь душой, как дитя.
 Ей не надо ни счастья, ни ласки,
 В ней — покой, ни тоски, ни забот...
 Ты — царевич чудеснейшей сказки
 Это тучка — ковер-самолет!

Как же так — неужели детской душе не нужно ни счастья, ни ласки? О том, что это утверждение не случайно, свидетельствует перевод Богдановичем одного из стихотворений Верлена, где употреблен тот же образ!

Звернемось же у дзяцей, у дзяўчатак малых,—
 Ні любві, ні здзіўлення не маюць яны...

Жизнь для поэта словно стала определенной через два понятия: даритель жизни и продолжающий жизнь — мать и ребенок, и поэтическое воссоздание этих образов наполнило особым гуманистическим смыслом все творчество Максима Богдановича, в некотором смысле приблизило его к пониманию самой сущности человека и предназначения его на земле. Эту сущность поэт утверждает посредством любви к жизни, любви ко всему земному.

...Максим Богданович, как и любой другой человек (и может быть, по причине своей болезни даже «более смертный», чем кто-либо другой), ребенком — бесспорно, несколько больше, чем кто-либо другой, — обожествлял, обоготворял свою мать — и именно после того, как она умерла, — оберегал, одухотворял память о ней, и эта память питала и освящала его чувства к женщине... Чашу любви ему не дано было

испить, он только
 ствовал горечью
 ный призрак —
 Можно было
 точном счастье
 лет, что кром
 и тоски и стыд
 дано, можно
 вольствоваться
 того, что «все
 рину. — Г. А.)
 так пронзитель
 человеческий
 своей мадонне
 вечность воз
 Потому так то
 о маленьком
 родиться (не т
 Уитмен, а ка
 бенка), пел то

писал проше-
выдаче детям

истине такую
ность», «го-
цитить, ответ
он приметил
ивших своих
лек. Об этой
«Мадонна».
ошеть может»
ия души при
сным).

нович к голо-
еперь им ста-
ещь красы
ядзець вакол
ел видеть эту
он заменил
ными», пере-
дного образа
еркнув силу
ов.

угару сваё
самому себе
веческой по-
руки ребенка

я,
но,—
к дитя.
и ласки,
и, ни забот...
ий сказки
т!

кой душе не
том, что это
детельствует
о из стихо-
блен тот же

так малых,—
яны...

а определи-
ль жизни и
и ребенок,
их образов
ским смыс-
огдановича,
его к пони-
ка и пред-
щность поэт
и к жизни,

любой дру-
по причине
отный», чем
бесспорно,
о другой,—
ю мать —
умерла,—
ней, и эта
го чувства
дано было

испыт, он только пригубил ее — и почув-
ствовал горечь. Вдалеке уже маячил блед-
ный призрак — надежды не оставалось.
Можно было только сожалеть о несбы-
точном счастье, об уходящей жизни, сожа-
леть, что кроме отравы («отравы любви
и тоски и стыда») испытать более ничего не
дано, можно было только ощущать и до-
вольствоваться мимолетной радостью от
того, что «все встречные считали ее (Ма-
рину. — Г. А.) моим ребенком». Потому
так пронзительно чутко впитывал он в себя
человеческий взгляд — и прощал, прощал
своей мадонне отказ, ответив на ее чело-
вечность возвышенностью своих чувств.
Потому так торжественно и нежно он пел
о маленьком человечке, который должен
родиться (не так, во весь голос, как Уолт
Уитмен, а как мать над колыбелью ре-
бенка), пел торжественно и печально, если

этому не суждено было сбыться. Как не
суждено было сбыться для него... И все
же...

Она не умерла, хоть ее никогда и не было.
Не было Вероники Богданович, не было
Марины Богданович... Зато был Максим
Богданович, который стоял, склонившись,
над колыбелью, и пел свою песню: он пел
ее своему народу на родном, материнском,
языке. Он пел о щемящей потребности
любви, об озаренности счастьем, о нежности
общения с ребенком и о ласке детского
сердца.

Максим Богданович писал о судьбе «музы
Шевченко и украинской народной поэзии:
двойной звездой сияют они в мире искусств
и красоты». Именно такой — кратной звез-
дой — сияет «в мире искусств и красоты»
и созвездие «Максим Богданович — Ма-
донны».

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Цена 80 коп.

Индекс 74968

**В БЛИЖАЙШИХ
КНИЖКАХ «НЕМАНА»**

Эссе и миниатюры

Янки Брыля
**КАК БУДТО
О РАЗНОМ**

Роман

Эдуарда Скобелева
СВИДЕТЕЛЬ

Повести

Владимира Короткевича
**КОЛОКОЛА
В ГЛУБИНАХ ОЗЕР**
Владимира Кожвникова
ОСТРОВ ЛЮБВИ

Поэма

Владимира Некляева
НАСКВОЗЬ

Очерк

Анатоля Вертинского
**НЬЮ-ЙОРКСКАЯ
СИРЕНА**